

Степан Стурейко

ГРАДОЗАЩИТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДАХ: МЕЖДУ МАРГИНАЛЬНОСТЬЮ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСОМ

Stsiapan Stureika

Public heritage preservation movements in post-Soviet cities: between marginality and national interest

The article examines conservation activists' urban movements in Hrodna (Belarus) and Lviv (Ukraine), their history and typical strategies. The main reasons for founding such preservation movements result from an overall political and economic situation of post-Soviet transformation where on the one hand the 1990's brought an unseen degree of social freedom but on the other the economic growth was combined with construction pressure on city heritage centers, a kind of focal points of modern Eastern European nationalisms. Tension between various political actors, bureaucrats, businessmen, heritage preservation professionals and construction industry made public activists a visible force in cities' life and decision-making. Comparison, based on multiple interviews with activists, shows a high degree of similarities in argumentation, planning and achievements. The main feature of their performance and discourse is the jam between self-dramatization and external attempts to marginalize participants.

Keywords: heritage conservation, urban movements, Eastern Europe, Lviv, Hrodna.

Большинство новостей о наследии освещают конфликтные ситуации. Одной из сторон конфликтов обычно оказываются активисты, называемые градозащитниками. Возникновение таких инициатив всегда связано с переломными моментами, когда общественность чувствует необходимость вмешиваться в регулируемые государством экономические и политические процессы. Именно так на рубеже

1980–1990-х гг. в городах Восточной Европы впервые появляются неконтролируемые властью инициативные группы, организации и движения, ставящие целью недопущение разрушения и содействие восстановлению памятников и целых городских ансамблей. Со временем в ряде мест появились даже «профессиональные» активисты-охранники, для которых постоянная критика практик сохранения и популяризация наследия стали стратегией жизнеобеспечения.

Указанные группы берут на себя ответственность за памятники и неизбежно вклиниваются в зону экспертной ответственности «старых» институтов охраны. Даже сегодня продолжается спор за право на профессиональное отношение к наследию, на постсоветском пространстве традиционно признаваемое в основном за архитектурным сообществом. Гуманитарии и общественные активисты, вынужденные вступать в своеобразную схватку за это поле, пытаются завоевать право голоса в процессе принятия решений. Их энергия и самоотверженность вызывают безусловное уважение, однако мне, как антропологу, всегда были интересны внутренние механизмы функционирования таких инициатив.

Длительное наблюдение за белорусскими градозащитниками и обнаружение противоречий в их деятельности побудили заняться темой серьезнее. В 2012–2013 гг. я провел небольшое исследование с амбициозным названием «Концепт “архитектурного наследия” в эпоху постмодерна: сравнительное культур-антропологическое исследование двух регионов в Украине и Беларуси». Работа затрагивала несколько тем, в том числе феномен общественных движений за сохранение памятников. Выбор пал на градозащитные инициативы двух исторических городов – белорусского Гродно и украинского Львова. Оба расположены в западных приграничных регионах, обладают наибольшим количеством архитектурного наследия, проблема сохранения которого является одной из доминант их общественной жизни. Можно, таким образом, констатировать тождественность положения этих городов в культурном пространстве Украины и Беларуси, а также обоюдную развитость краеведения и локального активизма. Задачами исследования было выявление тенденций становления градозащитных движений, обнаружение внешних обстоятельств их деятельности, определение организационной структуры, форм работы, а также внутренних противоречий, накопленных за 20 лет развития. Немаловажным было определить и условия успешности/неуспешности их работы.

Общественные градозащитные движения уже становились объектами изучения. Отмечу два достаточно глубоких социологических исследования движений Санкт-Петербурга (Гладарев, 2011) и Амстердама (Pruijt, 2004). Их авторы анализируют конкретные случаи борьбы за сохранение памятников, рассматривают социальный состав и методы активистов. Петербургский социолог Б. Гладарев делает это на обширном эмпирическом материале, собранном в ходе продолжительной «полевой» работы (множество глубинных интервью с активистами). Авторы независимо друг от друга сходятся в констатации, что

большинство градозащитных проектов заранее обречены на неудачу. Вопросы взаимодействия акторов гражданского общества по поводу памятников и деятельности неправительственных организаций, занимающихся охраной и популяризацией наследия, проанализированы также в обзорных статьях Д. Кергорлэй (Kergorlay, 2007) и Д. Бартеля (Barthel, 1989).

Указанные работы помогли в определении методологии исследования. Я также использовал в основном качественные методы: интервью с активистами из Львова и Гродно, журналистами и краеведами (проведены 12 интервью, также использовались ранее опубликованные интервью с активистами Львова и Гродно (Стурейко, 2010)). В ходе них выяснялась мотивация охранной либо популяризаторской деятельности, проводился анализ нарратива и определение ключевых аргументационных позиций. Затрагивались вопросы становления движений, их целей и задач. Впоследствии был проведен анализ структуры реальных действий и членского состава, изучены способы сотрудничества/конфронтации с другими акторами охраны наследия. На основании тематических электронных ресурсов был проведен разбор основных дискуссий о городском наследии, определены риторические приемы противников/сторонников охраны.

Хотелось бы верить, что беспристрастный критический разбор поможет рефлексии самих градозащитников. В этом я видел бы успех. Впрочем, в данной сфере активизация любой содержательной дискуссии пошла бы на пользу...

Краткая история градозащитников Львова и Гродно

Прежде необходимо уточнить контекст возникновения движений. После распада Советского Союза 15 новых стран столкнулись с совершенно иной экономической, политической и социальной реальностью: развитием бизнеса и появлением частной собственности на объекты недвижимости, ростом международного туризма, ренессансом национализмов и т.д. (Дмитренко, 2011; Стурейко, 2010). Следствием новой ситуации стало изменение конфигурации общественного интереса к наследию.

Как уже говорилось, в конце 1980-х гг. во многих советских городах стали появляться принципиально новые движения за сохранение либо восстановление памятников. В отличие от прошлых лет активисты по большей части не принадлежали к профессиональным сообществам, занимавшимся охраной наследия, не были ни архитекторами, ни реставраторами, ни искусствоведами. Наиболее точная их характеристика – «неравнодушные горожане». Еще одним новым аспектом было то, что активисты принципиально не могли контролироваться государственными органами. Они не только не желали включаться в деятельность официальных институтов, но зачастую вступали в открытую конфронтацию с ними.

Ранее советская власть управляла общественной активностью в памятникоохранной сфере. Описывая социалистические системы, вообще уместнее

говорить не об общественных объединениях граждан, а об общественных объединениях «для граждан» (Pickvance, 1996: 235). Под непосредственным контролем партии и правительства в 1960-х гг. создавались республиканские общества охраны памятников истории и культуры (в 1965 г. было создано всероссийское, в 1966 г. – украинское с белорусским). Мотивом одновременного создания похожих объединений стал не столько общественный интерес к теме охраны, сколько обязательства советской стороны перед ЮНЕСКО. По сути, республиканские общества должны были выполнять функции национальных бюро ИКОМОС (Международный совет по памятникам и памятным местам). Создание этой сети организаций было условием воплощения международной Венецианской хартии, принятой в 1964 г. Руководителями и активными членами советских объединений стали видные деятели науки и культуры. Они обсуждали вопросы охраны памятников, пользуясь собственным научным либо общественным авторитетом, и при таком положении не нуждались в средствах дополнительной легитимации. Постепенно роль организаций становилась все более и более формальной.

Названные общества, существующие до сих пор, имеют сложную структуру. Они проверены временем, авторитетны, исполняют роль краеугольного камня в системе общественного контроля за сохранением наследия. Вместе с тем их работа часто носит как бы «само собой разумеющийся» характер, что приводит к аморфности, неповоротливости, недостатку креативных идей.

Пример Гродно характерен: в 1967 г. создается гродненское городское отделение Общества охраны памятников истории и культуры. В 1980 г. его механически разделили на два отделения: для Ленинского и для Октябрьского районов (в последнем памятников почти нет!). К 1989 г. обе городские организации объединяли 75 000 индивидуальных и 70 коллективных членов, действовала 141 первичная организация (36 на предприятиях, 57 в учреждениях, 19 в учебных заведениях). В самом же городе имелось только 120 памятников истории и культуры, охраняемых государством (Гродно, 1989). То есть на один памятник приходилось более 600 «охранников»!

Новые активисты возникли как противодействие устоявшемуся формализму в тот момент, когда общественно-политическая жизнь в стране (гласность, свобода слова, ослабление роли коммунистической партии) сделала в принципе возможными подобные выступления.

Рассмотрим градозащитные движения каждого города.

Львов – особенный город. По оценкам экспертов, он концентрирует до 60% украинских памятников архитектуры. Львов в представлении остальной страны – это «кусочек Европы, куда не нужна виза». Каждые выходные город наводняют русскоязычные люди с фотоаппаратами. Еще один фактор, привлекающий внимание, – его «украинскость». Местные экскурсоводы и активисты, впрочем, не склонны придавать ей чрезмерное значение. Напротив, они стре-

мятся актуализировать мультикультурный характер пространства исторического центра.

Тема сохранения старой архитектуры – одна из ведущих в жизни города. Ее постоянно поднимают политические силы, например Общественный форум Львова, партия «Пора» (в период расцвета деятельности активно занималась противодействием «разрушению старого Львова»). В городе есть несколько организаций, работающих исключительно с наследием. Наистарейшее – существующее с советских времен – Украинское общество охраны памятников истории и культуры. Его работа серьезно критикуется «независимыми» градозащитниками. Создание Общества любителей Львова в 1992 г. стало ответом на бездеятельность УООПИК. Также можно назвать Фонд сохранения историко-архитектурного наследия Львова (с 2000 г.). Это зарегистрированные организации, но в городе много и неформальных инициатив.

Основные негативные события, притянувшие внимание львовской общественности: укладка бетонной плитки на месте старой мостовой по ул. Руськой, строительство офиса «Укрсоцбанк», нарушающего историческую среду пл. Мицкевича с разборкой нескольких домов, проекты строительства отеля на углу ул. Вирменской и Кракивской, а также гостинично-ресторанного комплекса «Высокий замок» (последние два не были реализованы, что считается победой активистов).

В городе регулярно проводятся яркие акции и публичные мероприятия, информирующие жителей о проблемах и деятельности градозащитников: «Уличные акции, которые мы затеяли, – они, может, на 15%, чтобы информировать депутатов о проблеме, но на 85%, чтобы журналисты могли получить информационный повод для статей, получить картинку, комментарии – не прилизанным юридическим языком, а живо и понятно широким массам, чтобы им, журналистам, это было интересно снимать и выдавать в эфир» (Материалы, 2013).

В 2012–2013 гг. активисты проводили мероприятия по привлечению внимания, сбору средств и координации реставрационной работы на конкретных памятниках. Львовские градозащитники находят поддержку и у бизнеса. Общественные и спонсорские средства были привлечены для установки информационных табличек на некоторых памятниках в центре, общественными силами отреставрирована большая скульптура Меркурия на фасаде одного из зданий. В городе существует офис Немецкого общества международного сотрудничества (GIZ), одним из основных проектов которого стало финансирование реставрации окон и дверей в исторических зданиях. В последнее время развивается также реставрационный бизнес, видящий градозащитников своими союзниками и «маркетологами». Несмотря на конфронтацию с городской администрацией, градозащитники периодически выступают партнерами власти в разных проектах. Между активистами и чиновниками отсутствуют принципиальные

политические разногласия, сотрудничество не отягощено идеологическим подтекстом. Скорее, оно напоминает работу двух сил, заинтересованных в общем результате, но видящих различные пути его достижения.

В основе градозащитного движения Гродно также лежат представления об исключительности города. Его миф в том, что Гродно – самый европейский, самый культурный, самый белорусский и самый «оппозиционный» город в Беларуси. Поэтому его специально «зажимают», «присылают сюда самых пророссийских чиновников», не дают восстанавливать памятники, искусственно тормозят развитие культурной и общественной сфер. Данные утверждения стали частью жизненных установок активистов.

Гродненское краеведение – в действительности самое развитое в Беларуси. Одновременно оно на полуподпольном положении. Практически отсутствует сотрудничество с активистами из других городов. Моральную поддержку участники находят у польских культурных институций. При доминировании очевидного белорусского национального дискурса, «золотым веком» Гродно негласно считается межвоенный период – время нахождения города в составе Второй Польской Республики, когда начались археологические исследования Замковой горы, составлялись реставрационные проекты, еще не была утрачена большая часть средневекового Рынка – ядра старого города.

Гродненское градозащитное движение началось в конце 1980-х гг. на волне гласности: «Мы в основном сражались с той советской властью, с аппаратчиками, мы пытались остановить снос вокзала, флигеля, который был рядом с нашим архивом. Но это все 1987–1988 гг. После возникла опасность, что снесут сам архив... Трудно теперь узнать определяющий фактор, но архив стоит и поныне. Это была последняя угроза, и, пожалуй, до конца XX в. мы жили спокойно. Никаких работ не проводилось, никаких сносов. В 1990-е гг. много говорилось об установлении памятников Калиновскому, Богдановичу, собирали средства, но все кончилось ничем... Казалось, что власть, [пришедшая] в 1991 г., по природе будет делать то, что нужно. Посмотрите сами: за тот пятилетний период ничего не было уничтожено из культурного наследия» (Стурейко, 2010: 175). Таким образом, в конце 1990-х гг. градозащитное движение практически сошло на нет, а активисты занялись другими проблемами.

Новый импульс гродненская градозащита получила в 2005 г. Это было вызвано несколькими строительными интервенциями в историческом центре, самой масштабной из которых стала реконструкция Советской площади, а также первый этап сноса зданий в районе «Новый свет» (в его застройке преобладают дома межвоенного периода, так называемый деревянный функционализм).

18 апреля 2006 г. во время работы строительной техники на реконструируемой Советской площади местная молодежь и минские студенты из объединения «Этна» бросились под экскаватор, чтобы остановить разрушение фундамента флигеля дворца Радзивиллов. До этого в Гродно приезжал специалист Управ-

ления по охране историко-культурного наследия и реставрации Министерства культуры, составивший акт о нарушении республиканского законодательства. Материалы протеста активисты отправили в 40 различных инстанций, в том числе в прокуратуру. Однако эффект –прекращение работ на фундаменте – был достигнут только после отчаянной акции. Впрочем, данная практика не могла быть постоянной. Когда в следующий раз, 24 мая 2007 г., активисты попытались повторить такой способ при защите другого объекта – паровой мельницы начала XX в. по ул. Василька, 3, – их действия эффективно пресекла милиция.

7 июня 2007 г. в Гродненском государственном университете прошел круглый стол по вопросам сохранения наследия. Нескольких историков, журналистов и активистов кампании по защите архитектуры администрация исторического факультета на него просто не пустила, вызвав на помощь наряд милиции (Круглы стол, 2007). В свою очередь, на следующий форум, 21 июня, организованный уже силами общественности, при достаточно представительном составе (60 человек, включая известных историков) ни один из специально приглашенных членов городской администрации не явился.

Примерно в 2006–2007 гг. возмущение неравнодушных горожан достигло пика. Была даже предпринята безуспешная попытка инициировать местный референдум по вопросу развития города. С тех пор и до настоящего времени следует постепенный спад, сдерживаемый периодическими всплесками в связи с разными строительными проектами.

Основные подъемы общественной активности: 2006 г. – обсуждение реконструкции Советской пл. и Советской ул. (показало преобладающее негативное мнение по поводу изменений в городе за последние годы); 2008–2009 гг. – кампания «Открой “Новый Свет”»; 2010 г. – противодействие планируемой реконструкции Коложской церкви (пожалуй, единственная победа, хотя и показавшая, что в структуре общественного мнения защитники наследия уже не имеют большинства); 2012 г. – обсуждение увольнения из университета преподавателя А. Чернякевича по причине его публичного несогласия (нашло сочувствие преимущественно в академической среде).

К настоящему времени гродненские градозащитники так и не сумели оформиться организационно, не группируют вокруг себя большое количество жителей. За исключением презентаций новых книжек, не проводятся публичные акции. По комментариям к интернет-статьям о разрушении памятников виден низкий интерес горожан к проблемам наследия. Можно сказать, движение из подлинно общественного выродилось в научное краеведение с определенным набором ценностных и этических установок.

Кстати, его очень любопытно сравнить с довольно хаотичной борьбой против вырубки деревьев в городе. При всей рассогласованности последней очевидно, что ее протестный потенциал куда выше, чем у охранников наследия, а следовательно, и результативность лучше.

Таким образом, градозащитные инициативы Львова и Гродно после распада СССР развивались в схожем русле. В дальнейшем их деятельность приобрела индивидуальные черты, определяемые общим политическим контекстом развития Украины и Беларуси. Подавляющая часть акций, инициированных активистами обоих городов, не увенчалась успехом. Вместе с тем у львовского движения гораздо больше положительных результатов. Это связано с яркой публичностью действий, а также с выбором более реалистичных объектов для протеста, стратегией вмешательства на стадии планирования, а не на стадии строительных работ.

Психологические и идейные предпосылки градозащитного движения

Каким путем люди разной профессиональной принадлежности приходят к осознанному публичному выступлению? Как пишет российский социолог Борис Гладарев, признаком, маркирующим «профессионального горожанина» (потенциального активиста любого городского движения), можно считать многообразие его/ее практик взаимодействия с урбанистической средой. Город для такого человека – это не только дорога от дома до работы плюс несколько магазинов и развлекательных центров, а сложный, «живой» контрагент, с которым можно разным образом взаимодействовать и «общаться». Типичный репертуар подобного «общения» составляют прогулки, посещение публичных мест (кафе, пешеходные зоны, места тусовок, галереи), самодеятельные экскурсии (для иногородних друзей), а также постоянное «вглядывание» в городское пространство (Гладарев, 2011: 157). Люди стремятся больше узнавать о прошлом и настоящем города. При таком активном его потреблении пространство постепенно осваивается, происходит соотнесение мест, зданий, истории города со своей жизнью. Вместе с тем приходит осознание, что эти чувства значимы и для других. Так освоение становится разделяемым опытом (Гладарев, 2011).

Б. Гладарев вслед за французским социологом Л. Тевено выделяет различные причины прихода в градозащитную деятельность. В первую очередь это нарушение так называемых «режимов вовлеченности» жителей (Гладарев, 2011: 158). В то время как у обычных людей в зоне комфорта располагается личное пространство, дом, возможно, работа, потенциальные активисты включают в собственную зону исторический центр. Он ассоциируется с уютом и привычным миром, а следовательно, требует заботы, бережного отношения и внимания. Далее логика проста: если кто-то совершает неправомерные действия в вашем доме (вашей зоне комфорта), в ответ на это следует справедливое возмущение. То же самое происходит в случае вмешательства в ткань исторического центра. Охрана наследия, таким образом, проистекает из тех же психологических механизмов, что и поддержка порядка в квартире, на улице или в офисе. Современные градозащитные движения принципиально не отличаются от движений

экологов, протестующих против вырубки деревьев, от велосипедистов, ратующих за постройку велодорожек, от протестов против уплотнения застройки и т.д. Основное отличие – в тематической направленности, а также в том, что краеведами и близкими к ним людьми данные охраняемые объекты наделяются общественной важностью, объективируются через такие категории, как памятник, наследие, культурная ценность.

Наследийная тематика служит в таком случае инструментом привлечения всеобщего внимания к личной проблеме и «вербовке» новых сторонников. Когда речь идет об общественных пространствах, всегда вероятно, что эти места были в «режиме близости» еще у кого-то. Соответственно один из инструментов борьбы – поиск и консолидация таких людей: «Приходят и участвуют в общественных мероприятиях те, кто активно интересуется городом и происходящим в нем. Даже не столько историей, сколько настоящим. Если это настоящее связано с прошлым, то им и прошлое интересно. А есть люди, действительно знающие историю, но они не очень общительные, не активные, не стремятся делиться с другими и в результате не проявляют никаких активностей. Сидят и читают информацию в интернете или могут в частном разговоре что-то сообщить» (Материалы, 2013).

Активисты, занимающиеся охраной наследия, работают не столько с прошлым, сколько с настоящим. Они не обязательно являются, как порой представляют СМИ, любителями истории. Напротив, история может даже не особо интересовать их в отличие от городских процессов, происходящих здесь и сейчас (пример такого подхода – городская инициатива Львова начала 2013 г. за реальный вывод машин из центра, реализуемая не столько во имя старых зданий, сколько для улучшения качества общественного пространства).

И все же специфика тематики движения – охрана культурного наследия – предполагает особые отношения с историей: «Мы когда-то интересовались просто историей, знали много фактов, побеждали в конкурсах краеведческих. Но тогда все воспринималось иначе. А вот когда это начало исчезать стремительно... То есть оно и так все время стиралось, но тут скорость стала очень большой. Отсюда пробуждение нашего активизма» (Материалы, 2013).

В Гродно именно историки составляют костяк движения. Во Львове в числе активистов профессиональных историков меньше, но и там градозащита черпает вдохновение из краеведения. Однако зачастую знания о прошлом нужны лишь для более внятной артикуляции собственной эмоциональной позиции. Исторические факты могут быть не основой протеста, но лишь дополнительными аргументами, маскирующими общее недовольство вторжением в «зону комфорта». В этом смысле полезно было бы различать акции, где борьба вокруг наследия составляет суть мотивации граждан; и акции, где наследие выступает как фон недовольства. В последнем случае роль историков может остаться консультативной.

Еще один немаловажный аспект: типичных активистов формирует окружение, круг общения. Многие активисты рассказывают, что их «заразили» друзья или просто авторитетные люди. Поэтому в городах, имевших прецеденты градозащитной активности, формирование новых инициативных групп происходит легче: «Активизм – это способ самореализации, через эту деятельность происходит осмысление моей жизни. Я не уверен, что это необходимо большинству, но это нужно тем людям, которые вокруг меня. И если честно, оно не всегда приносит удовольствие» (Материалы, 2013).

Существуют два пути реализации внутреннего стремления исправить ситуацию:

1) включение в деятельность устойчивых организаций («Когда началась кавардася с Советской площадью, люди действительно начали к нам обращаться. Не очень активно, но во время наших публичных выходов в город подходили жители, говорили, откуда они – из близлежащих домов, рассказывали, что хотят решительных действий» (Стурейко, 2010: 175));

2) самоорганизация в новые инициативы с протестной идентичностью («Эти организации собираются, как говорят, *ad hoc*, на злобу дня. Я, например, стал активно участвовать, когда в 2005 г. мэр Львова захотел восстановить на горе Высокий замок, который когда-то существовал, но был уничтожен еще в XIX в. ... Тогда появились несколько человек (большая группа небезразличных, но в масштабах города все еще невидная), и я к ним примкнул, не принадлежа ни к одной организации. Я и сейчас не принадлежу» (Стурейко, 2010: 161)).

Сам механизм формирования новых инициатив во Львове и Гродно двадцать лет назад и сегодня принципиально не отличается. Изменяются лишь конкретные обстоятельства. Конфигурацию участников и их мотивы всегда определяет конкретный повод недовольства.

Процессы в обоих исторических центрах и сложившиеся практики обращения с памятниками дают немало поводов для возмущения. Как показало исследование, во Львове градозащитные инициативы формируются по классическому, описанному Б. Гладаревым механизму. Зато в Беларуси ситуация с любым общественным движением сильно политизирована: «В Беларуси все виды общественной активности – велосипедисты, экологи, охранники наследия – это одно и то же. Потому что есть открытая политика, за которую тебя бьют по голове, причем буквально. А есть остальной активизм, за который также можно поплатиться, но пока в тюрьму не садят» (Материалы, 2013). Получается, что подобные инициативы еще и своеобразная точка выхода политической активности.

Перечисленные психологические предпосылки накладываются на повсеместное переосмысление идеи города, совместной ответственности горожан, функционирования локальных сообществ и общественных пространств. Также одним из проявлений времени стал пересмотр концепции наследия. Часто оказывается, что каждая из сторон дискуссии подразумевает под понятиями

«памятник» и «наследие» разные вещи. Градозащитники указывают на необходимость сохранения всего «старого», при этом старость зданий трактуется совершенно произвольно. Наиболее общее представление о старом – все, что не было создано при жизни защитника наследия. Поэтому практически любая строительная интервенция вызывает массу споров и негативных оценок. Иными словами, активисты видят проблематику наследия не только там, где несколько лет назад ее еще не могло быть, но даже там, где многим администраторам, строителям и другим акторам не приходит в голову искать ее и сейчас, как в случае со сносом ствола старого засохшего ясеня в центре Гродно (Заўтра, 2008).

Человек любой профессиональной принадлежности и должности продолжает оставаться «возмущенным гражданином-одиночкой» до тех пор, пока не начинает подталкивать к совершению действий других. В этот момент он становится активистом-организатором.

Цели и задачи активистов. Методы деятельности

Несмотря на то что активистами декларируется стремление к улучшению общей ситуации с охраной наследия (примеры формулировок: «добиться улучшения ситуации с охраной памятников», «сохранить всю аутентичность», «добиться того, чтобы законы и нормы выполнялись и больше не приходилось протестовать», «горожанам необходимо обеспечить комфортную жизнь в старых зданиях» или даже «жить в городе, который мы создали в своих мечтах» (Материалы, 2013)), реальная деятельность всегда носит проектный характер – от случая к случаю. Каждый раз градозащитники имеют точные тактические цели. При общей охранительной интенции узкие цели различаются в зависимости от объекта воздействия и потенциальной ресурсной базы. По достижении результата либо после разрушения объекта инициатива распадается до следующего раза. Исключение составляют «профессиональные» активисты, всегда находящиеся в режиме отслеживания инцидентов.

Не верно было бы говорить, что градозащитники помогают государственным органам охраны наследия, что они чьи-то союзники. Нет, они именно субъекты охраны, те, кто охраняет. Они и есть heritage community, сформировавшееся в специфических условиях современного города. Если у них не получается, значит, их социально-политический потенциал еще недостаточен.

В результате анализа экспертных интервью удалось выявить, кто львовскими и гродненскими активистами воспринимается в качестве акторов, влияющих на сохранение наследия:

- архитекторы-проектировщики;
- заказчики (инвесторы);
- чиновники, контролирующие выполнение памятникоохранного законодательства.

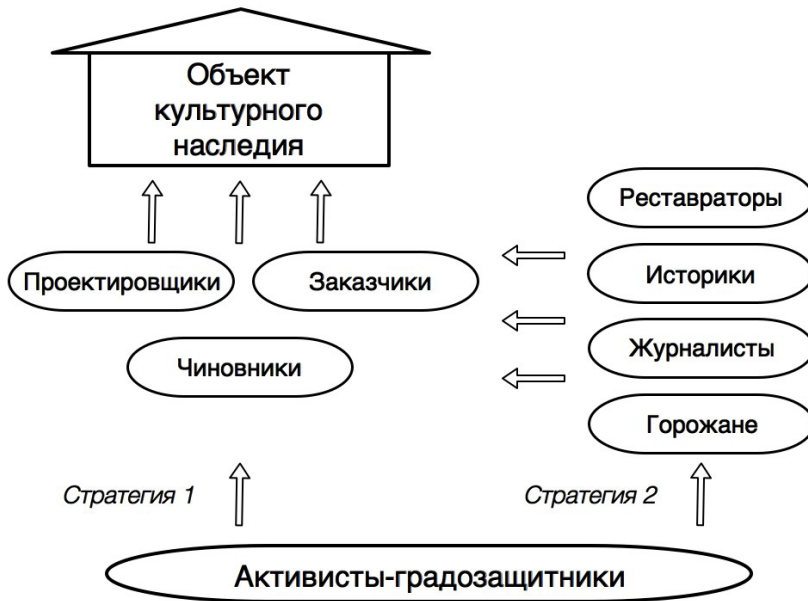
Возможно, в других странах конфигурация рассматриваемой подсистемы может быть иной, однако на постсоветском пространстве спайка «инвестор – архитектор – чиновник» достаточно устойчива и встречается повсеместно. Более того, ввиду сохраняющейся большой доли госсобственности на недвижимость в странах региона подсистема часто представлена единой госструктурой.

Среди наиболее упоминаемых дружественных сил (они же подсистема «внешние общественные ресурсы») названы:

- профессиональные архитекторы-реставраторы;
- историки – специалисты по памятникам и интерпретации;
- журналисты;
- горожане, формирующие общественное мнение.

Данные категории также практически всегда идут группой.

Выявленные во время исследования стратегии деятельности градозащитников можно редуцировать до двух основных, представленных на схеме:

Две основные стратегии достижения градозащитниками своих целей

Как львовские, так и гродненские активисты обычно выбирают между стратегиями № 1 и № 2.

Направление № 1 заключается в том, чтобы воздействовать на одну или несколько сил, непосредственно принимающих решения по памятникам. Для этого используются жалобные письма, заявления в прокуратуру, попытки убеж-

дения в необходимости выполнения требований законодательства или методик в интересах памятника и т.д.

Из схемы очевидно, что активист-организатор – всегда внешняя сила по отношению к памятнику и подсистеме «заказчик – архитектор – чиновник». Сам активист не выполняет проектные и строительные работы, поэтому воспринимается членами подсистемы как дополнительный фактор планирования, усложняющий согласование, принятие и исполнение конкретных решений. Активисты зачастую открыто становятся на позицию противодействия подсистеме, чем усложняют достижение положительного результата, рождая раздражение и нежелание со стороны подсистемы принимать их ценностную ориентацию. Усугубляют реакцию отторжения нереалистичные с технической или материальной стороны требования, выраженные иногда в провокационной, как кажется самим членам подсистемы, форме. Это нежелание в свою очередь приводит к открытому противостоянию, в котором организационные силы подсистемы заведомо превосходят силы активистов. Как следствие, возникает противопоставление «драматизация – маргинализация».

Для пояснения антагонизма подчеркну контекст взаимодействия. Дело в том, что, выражая протест и предлагая свое видение проблемы, активист вторгается в жестко регламентированную экспертную сферу. Каждый член подсистемы чувствует себя полномочным специалистом в рамках отведенного сектора ответственности. Протест человека или группы лиц, не являющихся аналогичными специалистами, воспринимается как вмешательство некомпетентных маргиналов, не знакомых со спецификой принятия решения. В ситуации неразвитости институтов общественной дискуссии наиболее предсказуемой реакцией на это оказывается попытка уничтожения оппонента.

Гродненская история градозащиты дает многочисленные примеры, когда ответом на критику, исходящую от активистов с определенным социальным статусом, становилась их целенаправленная маргинализация. Самый известный случай – лишение работы сотрудников Гродненского историко-археологического музея и Гродненского государственного университета.

Вместе с тем активисты-организаторы, в отличие от движения за велосипедные дорожки либо за развитие уличного искусства, воспринимают свою деятельность в качестве реализации национального интереса, ведь «сохранение историко-культурного наследия – один из приоритетов государства». Альтернативой национальному интересу может быть «служение» родному городу и малой родине, которые наделяются «духом» и т.д. Теперь отказ в сохранении столетнего здания (или даже только его балкона!) интерпретируется активистами как «убийство города» и трагедия национальной культуры. Происходит драматизация. Пример эмоционального подхода: «Уникальный объект – миниатюрный кирпичный магазинчик “колониальных товаров” сестер Толочко, которому уже за сто лет. Сравните его с открывшимся по соседству супермаркетом – и вы

наглядно представите себе, что такое эволюция, а заодно, возможно, ощутите легкую ностальгию по прошлому...» (Чернякевич, 2012).

Как пишет Б. Гладарев, «для утверждения значимости подвига отдельного активиста, пошедшего под бульдозер, надо связать его действие с каким-либо нарративом ценности и значимости большего масштаба» (Гладарев, 2011: 182).

Универсальным средством преодоления недостатка легитимности активистов-организаторов и сильным аргументом считаются краеведческие, исторические работы, воспринимающиеся своеобразными «инструкциями» по пользованию городом. Историческая фотография или чертеж, запечатлевший былое, – достаточное основание для побуждения реставрационных вмешательств или протеста против нового строительства. Причем стремление к «историзму» распространяется не только на отдельные памятники, но и на все пространство. В этом проявляется стремление полагаться на «объективные вещи» (даже на то, что уже не существует, но было кем-то зафиксировано). Как шутит Д. Лоуэнталь: «Сколько охранников наследия нужно, чтобы поменять лампочку накаливания на светодиодную? Четыре. Один – чтобы поменять, второй – чтобы задокументировать процесс, и еще двое, чтобы оплакать старую» (Lowenthal, 2006: 11).

В отношениях с памятниками действует примат этики над прагматикой. При этом под этикой бережного отношения подразумевается такое отношение к памятнику, которое ведет не просто к консервации либо восстановлению, но к сохранению качеств, идеализируемых активистами. Вместе с тем все действия, отдаляющие это состояние либо ведущие к разрушению именно этих качеств, признаются неэтичными и также служат источником раздора.

Противоположный лагерь – члены подсистемы не всегда готовы разделять с активистами любовь к старым камням. Они склонны исходить из «объективной реальности» дня сегодняшнего: «Почему мы должны оплачивать чужие воспоминания?». Здесь пролегал одна из линий ценностного противоречия, из которого не скоро удастся выйти.

Для преодоления антагонизма и достижения успеха в реализации направления № 1 активист должен либо включиться в работу подсистемы (но тогда он перестает быть активистом и вступает в противоречие с собственными установками), либо нарастить достаточный социальный капитал, чтобы с ним считались (в Беларуси это практически невозможно, в Украине можно, лишь став политическим деятелем).

Более реалистичным выходом из ситуации острого недостатка легитимности может стать работа с внешними общественными ресурсами – это направление № 2. В соответствии с ним объекты воздействия – не противоположная сторона, а остальные горожане. Соответственно цель – не изменение оперативной проектной/строительной ситуации, а воспитание «всеобщей» любви к наследию, изменение общественного мнения: «Цель нашей деятельности – изменение со-

знания людей, а не столько изменение зданий» (Материалы, 2013). Поскольку в этом случае активист взаимодействует с жителями, не связанными нормативными актами, его действия воспринимаются позитивно и чаще всего с интересом. Активист наверняка найдет участливых слушателей: «Если бы мы жили в нормальном государстве, я мог быть активистом, работая в государственном учреждении, и мне за это ничего не было, мы бы включили большое количество граждан в градозащитную деятельность. В первую очередь, пользуясь банальными льготами, которые люди бы имели. Мы бы рассказывали об экономических преимуществах сохранения. Потому что все познается в сравнении. Если поставить перед людьми выбор переехать в новое жилье на окраине, они выберут это. А если предоставить им выбор между жильем на окраине либо ремонтом их нынешнего дома, они не сомневаясь выбирают второе. А дальше на материальную выгоду легко нанизывается остальное» (Материалы, 2013).

Альтернативное направление имеет достоинства и недостатки. С одной стороны, конфликтная ситуация не решается быстро. С другой, с вниманием публики активист приобретает дополнительный ресурс воздействия, пользуется экспертной поддержкой историков, независимых архитекторов и т.д. Нельзя сказать, что подобные действия не вызывают раздражения у оппонентов. Однако при умелом лавировании активисты способны избежать множества конфликтов и набрать некоторое количество социального капитала. В свою очередь, влияние общественного мнения не так низко, как кажется на первый взгляд. Оно виднее всего в момент замысливания очередной интервенции в памятник, в конкретном выражении строительного проекта и в стимулировании контроля над соблюдением законодательства. Кроме того, при публичном озвучивании частное мнение получает особый вес, а произносящий становится публичным актором, замыкающим на себя внимание общественности. Обратная сторона медали – теперь внимание и большая часть ответственности за дальнейшие действия ложатся именно на него: «Теперь, если что-то случилось в городе, у меня телефон разрывается от журналистов и сочувствующих. Все почему-то считают, что я ответственен и могу как-то решать эти проблемы. Ребята, я такой же человек, как вы!..» (Материалы, 2013). Иногда неумелое публичное выступление, неуместная политизация могут навредить, и мнение общественности разворачивается против активиста-организатора, в результате чего он из «героя» превращается в маргинала, говорящего непонятные, «оторванные от реальности» вещи. В такой ситуации на человека ложится ответственность по продолжению деятельности, ведь цель, ради которой он ее начал, достигается преодолением большого количества препятствий.

Любопытно, что организационные возможности львовских активистов позволяют достаточно удачно совмещать оба направления. Примером стала упомянутая реставрация статуи Меркурия на фронтоне здания 1887 г. Выполнение сравнительно небольшого объема работ (включая привлечение профессио-

нальных реставраторов) было организовано силами общественности. При этом данное действие сопровождалось кампанией по популяризации бережного отношения к старине. В Гродно проведение подобного рода акции все еще не представляется возможным.

Еще одной новой и бесконфликтной технологией градозащиты в последнее время стала работа с локальными сообществами, особенно попытки активизации этих сообществ по мотиву соучастия в судьбе памятника. Широкую огласку в Гродно получила кампания 2008 г. за сохранение района «Новый свет» (подробнее о ней см. в эссе «Все против всех: конфликты вокруг наследия»). Она была направлена на формирование общности жителей района.

В отдельную категорию следует отнести недовольство, вызванное неправильной, по мнению активистов, интерпретацией памятников. Этот вид конфликта распространен на постсоветском пространстве с неустоявшимися представлениями о национальном наследии. Например: «Старый замок в Гродно должен стать действительно королевским, ему необходимо вернуть былую славу», «этот город сегодня украинский, и это необходимо воспринимать как должное» (Материалы, 2013). В таком случае обращаться к чиновникам и спонсорам можно для установки памятных шильд, табличек и т.д. Здесь активисты выступают уже не конфликтующей стороной, а источником городского креатива. Большинство акторов городской жизни это воспринимается позитивно.

Одна из последних по важности вещей, над которыми задумываются активисты, – формальная организация: «Регистрация нам нужна, только если претендуешь на какие-то гранты, чтобы иметь официальную отчетность и т.д. А так в жизни должности бесполезны. В нашей команде постоянная ротация. Постоянно приходят новые люди, кто-то исчезает, становится менее активным по разным причинам. Никогда не бывает, что те, кто начинают один проект, доводят его до завершения – состав участников всегда подвижный» (Материалы, 2013).

Активисты соглашаются, что градозащита должна носить системный характер. Она может стать способом жизнеобеспечения небольшого количества участников благодаря грантовым программам и т.д. Впрочем, получение материальной помощи – третьестепенный фактор их деятельности. Активисты готовы охранять памятники бескорыстно, повинувшись порывам души.

Профессионализации градозащитных инициатив почти не происходит: «Вероятно, было бы лучше, если бы уже существовала некая структура, в которую можно было бы обратиться по поводу той или иной проблемы, но собственную создавать сейчас мы не можем, тем более в белорусских условиях» (Материалы, 2013).

Профессионализация – это своеобразное уподобление чиновникам. Ряд активистов видят в этом опасность коррупции: «В нашей ситуации существует опасность криминализации этого градозащитного активизма. Ведь за недопущение скандалов также можно брать деньги. Просто у нас пока вес слишком

мал». «У нас некоторые общественные деятели уже потеряли авторитет, потому что давно замечена подозрительная вещь – сначала они много кричат, а потом внезапно замолкают. Или они поднимают вопрос по одной стройке, а недалеко от нее другая аналогичная, и там как будто все нормально» (Материалы, 2013). Вопрос о регламентации деятельности также не вызывает поддержки: «Я думаю, не нужно нам никаких уставов. Нужна просто этика» (Материалы, 2013).

Следует заметить, что в Беларуси существует определенная специфика работы НПО любого направления. Легально действуют лишь активисты зарегистрированных общественных организаций. Процедура регистрации сложна, действие от имени незарегистрированной организации белорусским законодательством запрещено. Поэтому в Беларуси активисты стремятся действовать, минуя «организационную» стадию. Это существенно снижает активность и протестный потенциал, мешает четко определять цели и задачи деятельности, препятствует координации усилий, распределению работы между членами, нарушает системность, уменьшает возможности для финансирования мероприятий.

Заключение

Подводя итог, отмечу, что в градозащитном движении Гродно и Львова гораздо больше сходства, нежели отличий.

Предпосылки и механизм формирования движений, мотивация активистов полностью совпадают. Однако организация деятельности и результаты различаются. Если львовские активисты выражают сдержанный оптимизм, поддерживаются общественностью и выступают партнерами в государственных проектах, гродненские пребывают в организационном замешательстве, вызванном как объективными, так и субъективными причинами: «То, что есть самореализация и даже когда-то было чувство, что мы чего-то достигли, это все, безусловно, льстит. Но, оглядываясь назад, – по большому счету мы пока ничего не изменили. Завтра вот выгонят с работы, и что тогда?» (Материалы, 2013).

Недостаток публичности, так ярко выраженный в Гродно, вызывает непонимание целей градозащитников, снижает их легитимность в глазах не только городской администрации, но и общественности. В результате активисты уязвимы перед целенаправленными попытками администрации дискредитировать и ограничить развитие движения. Их идеи продолжают оставаться не слишком востребованными в процессе трансформации исторического окружения.

Наиболее продуктивной для них стратегией видится постепенное наращивание социального капитала путем проведения популяризаторских акций и успешное публичное выполнение мелких реставрационных, градозащитных и иных проектов. Вступление в прямую конфронтацию с представителями власти должно осуществляться очень расчетливо.

Большинство как львовских, так и гродненских градостроительных инициатив не увенчались успехом. Вместе с тем говорить, что действия активистов не приносят никакого результата, не правильно. Активисты-организаторы в обоих городах стали трансляторами бережного, корректного отношения к исторической среде, стали выразителями интереса наследия в ходе принятия решений по городским преобразованиям, сумели актуализировать его проблематику. Сам дискурс опасности и борьбы, исходящий от градозащитников, влияет на формирование иного повседневного отношения к памятникам. Своими действиями они подтолкнули специалистов к более глубокому осмыслению вопросов сохранения старой архитектуры, стимулировали развитие регионального краеведения. Кроме того, в плане личностного развития они получили навык общественной работы, утвердили собственную жизненную позицию.

В городах, где культурное наследие составляет большой процент застройки, градозащитные движения практически неискоренимы, следовательно, для городской администрации гораздо продуктивнее не пытаться их подавлять, а искать пути конструктивного диалога и сотрудничества.

В качестве послесловия хотелось бы добавить, что не стоит воспринимать гражданское общество как некоего «волшебника в голубом вертолете», ведь оно состоит не только из людей, разделяющих нашу точку зрения на наследие, но и из «противников». Эти люди также создают общественные объединения, используют для достижения своих целей свободные СМИ и независимые суды. Опыт постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы показывает, что для наследия развитие гражданских свобод может стать обоюдоострым оружием. По-настоящему эффективна только выстроенная система сдержек и противовесов, основанная на этическом императиве и выраженная в точках общественного консенсуса, но именно сегодня речь о нем у нас почти не ведется.

Литература

- Гладарев, Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: ЕУСПб., 2011. С. 71–304.
- Гродно. Энциклопедический справочник. Редкол.: И.П. Шамякин и др. Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1989. 438 с.
- Заўтра ў парку Жылібера будзе спілаваны апошні ясень часоў Тызенгаўза // Архітэктурна Гродна [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://harodnia.com/be/sionnia/ekalohija/20-zautra-u-parku-zhylibera-budze-spilavany-aposhni-yasen-chasou-tyzen-gauza> (14.08.2008).
- Круглы стол за зачыненымі дзвярыма // Архітэктурна Гродна [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://harodnia.com/a69.php> (07.06.2007).

- Материалы интервью с активистами градозащитных движений Гродно и Львова, собранные во время работы над исследовательским проектом «Концепт “архитектурного наследия” в эпоху постмодерна: сравнительное культур-антропологическое исследование двух регионов в Украине и Беларуси» в феврале – марте 2013 г. (архив автора).
- Дмитренко, К.* Архітектурна спадщина ХХ століття: від збереження до використання // Стратегія Урбаністичного Майбутнього Києва: збірник громадських дискусій, статей, інтерв'ю та проектів. Київ: Представництво Фонду ім. Г. Бюлля в Україні, 2011. С. 94–100.
- Стурейко, С.А.* Антропология архитектурного наследия. Минск: Юнипак, 2010. 182 с.
- Чернякевич, А.* «Красная книга Гродно»: Волковича, д. 23 // Вечерний Гродно [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vgr.by/home/society/history/8332-news-krasnaya> (01.02.2012).
- Barthel, D.* Historic Preservation: A Comparative Analyses // Sociological Forum. Vol. 4. No. 1. 1989. P. 87–105.
- Kergorlay, D.* The role of associations in the protection of Europe's cultural heritage // Cultural heritage in the 21st century. Opportunities and challenges. Krakow: International cultural centre, 2007. P. 247–250.
- Lowenthal, D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. Cambridge University Press, 2006. 356 p.
- Pickvance, C.G.* Environmental and housing movements in cities after socialism: the cases of Budapest and Moscow // Cities after socialism : urban and regional change and conflict in post-socialist societies / ed. by Gregory Andrusz, Michael Harloe and Ivan Szelenyi. Wiley-Blackwell, 1996. P. 235.
- Pruijt, H.* The impact of citizens' protest on city planning in Amsterdam // Cultural Heritage and the Historic Inner City of Amsterdam / ed. by L. Deben, W.Salet, M.-T. van Thoor. Amsterdam: Aksant, 2004. P. 228–244.